

ТЕМА ЛЮБВИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОПЫТЕ ЭПОХИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье рассматривается тема любви в художественном опыте эпохи Серебряного века. Русская философская мысль конца XIX – начала XX века обнаруживает сложный многосторонний подход к теме любви. Здесь сочетаются вопросы истории и психологии, этики и эстетики. Концепция любви в эпоху Серебряного века «предполагает единство философии и искусства, поэтому она тесно связана с миром литературных образов». Русский эрос не стоит в стороне от традиций европейской и мировой культуры, он связан с ней тонкими нитями, однако в «Русском Эросе» его нравственный смысл был усилен. Любовь понималась, прежде всего, как путь к творчеству, к поискам духовности, к моральному и нравственному совершенствованию, ей отводилась высокая роль

© Пахомова И.В., 2014

и предельный разрывности, темов, эстетик и поэтик, в преобразовании мира, в создании новой этики творчества. Особенность русского эроса при всем различии школ и направлений заключается в его просветленности и тяготении к духовности.

русский эрос, Серебряный век, философия любви.

Тема любви всегда присутствовала в человеческой цивилизации. Эрос как стихию каждая эпоха трактовала по-своему, наполняя различным содержанием. Но уже в античные времена любовь связывалась с категориями эстетическими и нравственными. Так, Платон понимал эрос не только как чувственную силу, которая соединяет мужчину и женщину, но и как побудительную силу духовного восхождения, эстетический восторг и экстатическую устремленность к созерцанию идей истинно сущего, добра и красоты. Российский философ и писатель Г.Д. Гачев определял эрос как «универсальную космическую силу все-связи (ge-ligio) всего со всем в Бытии, расколотом на части и члены, общества и вещи, идеи и слова»¹. Понятие любви входит во все религии, нередко как главный элемент. В христианстве это любовь к Богу, к ближнему, благословение брака. Диапазон понятия любви обширен: от все связи элементов Бытия до тончайших вибраций душевной жизни и индивидуальной любви. Эрос – это вечный диалог женского и мужского первоначал, энергия жизненной силы, в которой зачинаются и рождаются не только живые существа, но также идеи философии, общественные идеалы, модели мира и человека.

Неслучайно тема любви в русской литературе Серебряного века – одна из важнейших. Если литература XIX века (произведения А.С. Пушкина,

¹ Гачев Г. Русский эрос («роман» Мысли с Жизнью). М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. С. 303.

М.Ю. Лермонтова, И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова) создала прекрасные образы любви, то, как отмечает В. Шестаков, в эпоху Серебряного века эта тема с «вулканической энергией» ворвалась в русскую публицистику, художественную критику, эссеистику, философию и теологию². О любви пишут философы и теологи (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Н.О. Лосский, И.А. Ильин, Л.П. Карсавин, Б.П. Вышеславцев, С. Франк и др.), поэты и писатели, историки литературы и литературоведы (В.М. Жирмунский, Н.С. Арсеньев, И.Н. Голенищев-Кутузов, А.Н. Веселовский и др.), причем литература эта отличается глубиной мысли, интенсивными поисками и оригинальностью мышления. Причина такого пристального интереса заключалась в ощущении кризисности эпохи, предчувствии близкой катастрофы, направлявших мысль на предельные вопросы бытия. «Любовь и смерть стали основными и едва ли не единственными формами существования человека, главными средствами его понимания; а став таковыми, они слились между собой в некоем сверхприродном единстве. Интуиция единства любви и смерти стала инвариантом этой культуры, объемля такие разные её проявления, как философия Вл. Соловьёва, поздние повести А. Толстого, поэзия Вяч. Иванова, романы Д. Мережковского, драмы Л. Андреева и психоанализ С. Шпильрейна»³.

Стараясь пережить глубинный кризис общества, разрушение связей, прежних форм быта, труда, системы духовных ценностей, многие русские художники и мыслители находили в категории любви первооснову всего сущего. Творцы Серебряного века видели в любви то начало, которое может соединить два мира: высший, идеальный, и обыденный, реальный. «Веянье нездешней радости» любви по В. Соловьёву означало для них божественную принадлежность. В то же время именно близость к высшему бытию в русской религиозной философии обуславливает экзистенциальный конфликт любви с миром повседневным, отсюда и ее трагизм в земной жизни. Именно такой аспект осмысления феномена любви приближает категорию любви к категории смерти. В эпоху Серебряного века эти понятия сближаются, становятся доминантами художественной мысли.

Западноевропейские концепции любви во многом опирались на философию А. Шопенгауэра. Он разоблачал любовь как «замаскированный инстинкт», с помощью которого иррациональная мировая воля заставляет людей быть слепыми орудиями продолжения рода. Шопенгауэр осуждал все формы любви. В специально посвященном проблемам любви эссе «Метафизика любви полов» он указывал, что любовь доводит мужчин и женщин до самоубийства, сумасшествия и крайностей самопожертвования, и утверждал, что все формы любви укоренены в сексуальности.

² Шестаков В.П. Вступительная статья // Русский эрос, или Философия любви в России. М. : Прогресс, 1991. С. 6.

³ Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М. : Гнозис : Прогресс-Комплекс, 1994. С. 8.

На рубеже XIX–XX веков в Западной Европе доминирующей концепцией в вопросах философии пола и любви стал фрейдизм, поставивший биологические потребности человека над социальными. Основная «биологическая» конструкция З. Фрейда – «либидо» – напоминает «волю к жизни» Шопенгауэра и представлена не только как биологический инстинкт, но как главный позыв жизни. Фрейд не проповедовал отказ от чувственной телесной любви, но и никогда не отрицал необходимости самоограничения и самодисциплины. Он был убежден в универсальности любви и доказывал, что физиологическое стремление может дифференцироваться и отчуждаться от своих биологических целей. По сути, Фрейд заложил основы для этики, «свободной» от библейских канонов.

Проблемы, к которым обращались ученые, занимавшиеся психоанализом, много раз оказывались в центре исканий русской интеллигенции. Среди них и загадка пола.

Однако в русском психоанализе, в отличие от западноевропейского, сильны корни русской философии и этики, особенно это очевидно в психоаналитических работах Л. Андреас-Саломе.

«В отличие от западных философов русские мыслители начала века развивали гуманистическую традицию в понимании природы любви и, обращаясь к потаенным вопросам пола, связывали сексуальную энергию человека не только с продолжением рода, но и с пониманием духовной культуры человека – с религией, художественным творчеством, с поиском нравственных ценностей. Философия любви оказывается одновременно и этикой, и эстетикой, и психологией, и постижением божественного. Этот синкретизм – одна из характерных особенностей русского Эроса»⁴.

Исследователи И.В. Брылина, В.П. Шестаков связывают вопрос о возникновении феномена русского эроса с возможностью синтеза в русской философии. Ни одна отдельно взятая философская система, несмотря на присущую ей внутреннюю логику и цельность, не может исчерпать полноту и многообразие философской проблематики, русский эрос возникает из совокупности разных философских систем и являет собой синтез научного, художественного, философского и религиозного. Это слияние и одновременно полифония многих философских и художественных концепций делает уникальным природу русского эроса как одного из проявлений художественного сознания эпохи Серебряного века.

Примечательно воспоминание Н.А. Бердяева о знаменитых «средах» Вяч. Иванова. Размышляя о духовной атмосфере, царившей на этих собраниях, он замечает: «...ошибочно было бы смотреть на «среды» как на религиозно-философские собрания. Это не было местом религиозных исканий. Это была сфера культуры, литературы, но с уклоном к предельному. Мистические и религиозные темы ставились, скорее, как темы культурные, литературные, чем жизненные. <...> И как-то сразу же русское литературно-художественное движение соприкоснулось с движением религиозно-философским. <...> ...вспоминаю бе-

⁴ Шестаков В.П. Вступительная статья. С. 7.

седу об Эросе – одну из центральных тем «сред». Образовался настоящий симпозион, и речи о любви произносили столь различные люди, как сам хозяин Вяч. Иванов, приехавший из Москвы Андрей Белый, и изящный проф. Ф.Ф. Зелинский, и А. Луначарский, видевший в современном пролетариате перевоплощение античного Эроса... Нередко «среды» были посвящены поэзии, и многие молодые поэты впервые читали там свои стихи»⁵.

Слияние литературной и философской мысли на рубеже XIX–XX веков подчеркивает также тот примечательный факт, что анализ феномена любви дан философами Серебряного века на примере творчества русских и зарубежных писателей (В.С. Соловьёв «Жизненная драма Платона», Н.А. Бердяев «Любовь у Достоевского», С.Н. Булгаков «Владимир Соловьёв и Анна Шмидт», Б.П. Вышеславцев «Достоевский о любви и бессмертии», Л.П. Карсавин «Фёдор Павлович Карамзов как идеолог любви»), а поэты и художественные критики большое внимание уделяют вопросам теории любви (З.Н. Гиппиус «Влюблённость», «О любви», «Арифметика любви», «Искусство и любовь», А. Белый «Вейнингер о поле и характере», В.В. Розанов «Концы и начала. «Божественное» и «демоническое». Боги и демоны», Д.С. Мережковский «Любовь у Л. Толстого и Достоевского», «Жизнь Данте», В.Ф. Ходасевич «Конец Ренаты»).

Одним из первых, кто, по словам Н.А. Бердяева, стал «гениальным провокатором и вопросителем христианской семьи», был В.В. Розанов. В своих публицистических и критических статьях он сделал запретную до тех пор тему предметом общественной дискуссии. В.В. Розанова нередко называли «русским Ницше» за его страстное бунтарство, неистребимый критицизм в вопросах морали и религиозной этики. В.В. Розанов в своих книгах «Уединённое», «Опавшие листья», «Мимолётное» выступил с апологией любви, которую он сближал с красотой и истиной. В противоположность христианскому учению Розанов обожествлял плоть и половую любовь как источник жизни, провозглашая силу и вечно обновляющую мощь родовой любви.

Теме любви в русской литературе В.В. Розанов посвятил несколько специальных статей. Он считал, что отношение писателя к женщине может служить ключом к его творчеству и пониманию его творческих импульсов. Так, исходя из этого критерия, он выводил «демонизм» поэзии М.Ю. Лермонтова, мир «неживых» красавиц Н.В. Гоголя и толстовское изображение любви как абсолютной муки и страдания.

Автор вступительной статьи к разделу «Россия» в книге «Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви» Р.Г. Подольный, выделяя два течения в российской философии любви – «материалистическое» и «религиозное», отмечает, что сторонники того и другого «прочны стоят на исторической почве, рассматривают любовь как явление, изменяющееся в ходе развития человечества», а также то, что вся российская философия и литература о любви «смыка-

⁵ Бердяев Н. Ивановские среды // Немеровская О., Вольпе Ц. Судьба Блока. Воспоминания. М.: Аграф, 1999. С. 105.

ется с повседневной житейской реальностью, входит в неё составной частью»⁶. В этом он видит единство российской философии любви.

По мнению В.П. Шестакова, в русской философии любви рубежа XIX–XX веков присутствуют две линии. Одна из них – это ортодоксально-богословское направление, представленное именами П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина. Их философия ориентирована на христианскую этику. Любовь понимается как сострадание, милосердие, жалость.

П.А. Флоренский любовь рассматривает как вхождение в Бога: «Любовь – с такой же необходимостью следует из познания Бога, как свет лучится от светильника и с какою ночное благоухание струится из раскрывающейся чашечки цветка»⁷. И.А. Ильин в такой любви видит главный источник духовного обновления, возрождения духовной культуры: «Да, в людях мало любви. Они исключили её из своего культурного акта: из науки, из веры, из искусства, из этики, из политики и из воспитания. И вследствие этого современное человечество вступило в духовный кризис, невиданный по своей глубине и по своему размаху... Нельзя нам без любви. Без неё мы обречены со всею нашею культурою. В ней надежда и наше спасение. <...> Нельзя человеку прожить без любви, потому что она сама в нём просыпается и им овладевает. И это дано нам от Бога и природы. <...> Только созерцающая любовь открывает человеку доступ к религиозности и к Богу»⁸.

Второе направление в развитии русского эроса на рубеже XIX–XX веков переосмысливает античную и основанную на ней гуманистическую, в основе своей неоплатоническую концепцию любви. Представителями этого направления являются В.С. Соловьёв, Л.П. Карсавин, Б.П. Вышеславцев.

Учение В.С. Соловьёва о любви во многом определило духовную атмосферу эпохи Серебряного века. Преображение человеческой природы в его суждениях тесно связано с мистико-эротической утопией. В.С. Соловьёв разработал концепцию нравственного значения эроса, которую он обосновал в своей работе «Смысл любви». Он утверждал, что любовь спасает от эгоизма, посредством любви доказывается безусловное значение другой индивидуальности. Огромная нравственная сила любви заключается в упразднении эгоизма и возрождении личности в новом, нравственном качестве. Соловьёв видел в любви два начала: природное и идеальное. Но в конечном счете в любви возрождается образ Божий, идеальное начало, которое по В.С. Соловьёву связано с образом вечной женственности.

Творчество В.С. Соловьёва органично связано с миром русской литературы. Так, у Ф.М. Достоевского он заимствовал идею единства добра и красоты. Мысли Достоевского о том, что «красота спасет мир», Соловьёв придал принципиально философский характер – «любовь спасет мир».

⁶ Подольный Р.Г. Вступительная статья к разделу «Россия» // Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви. М. : Политиздат, 1991. С. 234.

⁷ Флоренский П. Столп и утверждение истины // Русский эрос, или Философия любви в России. С. 290.

⁸ Ильин И. Без любви // Русский эрос, или Философия любви в России. С. 397, 399, 400.

Л.П. Карсавин выдвигает идеал любви как «двуединство» тела и духа, видит в любви властную, неодолимую, живую стихию, сочетающую в себе разум и чувство, мужественность и женственность, «светлый лик Мадонны» и «мертвое море Содомы»⁹.

Б.П. Вышеславцев в книге «Этика преображённого Эроса» размышляет о соотношении закона и благодати, этики и божественной любви. Он полемизирует с отдельными положениями психоанализа З. Фрейда, однако ставит в заслугу ученому обнаружение в самых возвышенных формах человеческого сознания – религии и искусства – подсознательных сексуальных инстинктов. Б.П. Вышеславцев утверждает, что понятие «сублимация» заключается не в сведении высшего к низшему, как это есть у Фрейда, а, наоборот, в возведении низшего к высшему. Он противопоставляет Фрейду платоническое и христианское понимание сублимации, доказывает этику преображенного Эроса.

Теория любви стала центральной темой философии Н.А. Бердяева. В определенной мере он намечает в своем творчестве синтез двух линий развития русской философии любви. Размышляя над проблемой любви и пола, Н.А. Бердяев выделяет две темы: 1) Эрос представляет собой вечный источник творчества. 2) Эротика связана с красотой, она означает поиски и путь к прекрасному. Н.А. Бердяев признает огромное влияние пола на духовную жизнь человека. Так же, как и В.С. Соловьёв, он говорит о необходимости одухотворения пола, гармонизации в любви чувственного и духовного. Он выступает против традиционного христианского отношения к любви. По его словам, христианство признает только три состояния пола: 1) семейные отношения; 2) аскетизм; 3) разврат. Ни один из них не имеет, по мнению Бердяева, прямого отношения к любви. А между тем тайна пола раскрывается только в любви, а не в семейной экономике или физиологии.

Вслед за В.С. Соловьёвым Н.А. Бердяев развивает представление об андрогинной природе любви. Всякая личность андрогинична, содержит в себе смутные воспоминания о своей прежней целостности. Любовь – это поиски, преодоление распада мужского и женского начал.

Бердяев подчеркивает драматический характер всякой подлинной любви. Любовь по природе своей трагична, трагедия заложена в непреодолимой до конца отчужденности, разделенности мужчины и женщины. Мужчина и женщина совершенно несхоже относятся к любви: «...женщина существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа. Она по преимуществу – носительница половой стихии. В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина вся пол, её половая жизнь – вся её жизнь, захватывающая её целиком». <...> ...глубоко различно мужское и женское отношение к любви»¹⁰.

Н.А. Бердяев замечает, что женщина часто бывает гениальна в любви, ее отношение к любви универсальное, ведь она вкладывает в любовь всю полноту своей природы и все надежды свои связывает с любовью: «В стихии женской любви есть

⁹ Карсавин Л. Фёдор Павлович Карамазов как идеолог любви // Русский эрос или Философия любви в России. С. 356.

¹⁰ Бердяев Н. Творчество и любовь. Брак и семья // Эрос и личность. Философия пола и любви. М. : Прометей, 1989. С. 95–96.

что-то жутко страшное для мужчины, что-то грозное и поглощающее, как океан. Притязания женской любви так безмерны, что никогда не могут быть выполнены мужчиной. На этой почве вырастает безысходная трагедия любви»¹¹.

По мысли Н.А. Бердяева, любовь может означать и величайшую свободу, и величайшее рабство. В социуме любовь реализуется как семья и брак. Но брак без любви безнравствен: «Два процесса необходимы, когда ставится тема пола и любви – эроса: внешнее освобождение от гнёта и рабства общества и авторитарного понимания семьи и внутренняя аскеза, без которой человек делается рабом самого себя и своей низкой породы. Все типы любви могут стать рабством и пленом человека – и любовь-эрос, и любовь-жалость. Но любовь-эрос должна быть соединена с любовью-жалостью, иначе она делается поработителем. Ценность любви только тогда не порабощает, если она соединена с ценностью свободы»¹².

Размышляя о проблемах любви, Н.А. Бердяев связывал свою философию с русской литературой. Так, в книге «Миросозерцание Достоевского» он замечает, что темой жгучей и страстной любви проникнуто все творчество Достоевского. По его мнению, в творчестве писателя присутствуют два типа любви, свойственные русскому характеру: любовь-сладострастие и любовь-жалость. Оба эти чувства составляют два полюса любви. Царство карамазовщины, считает Н. Бердяев, есть царство сладострастия, «идеал Содомский»¹³, приводящий к разрушению человеческой личности. Любовь же истинная – это просветление «увидением образа, лика своего другого в Боге»¹⁴.

Характерно, что в осмыслении темы любви философы Серебряного века (В.С. Соловьёв, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев, Л.П. Карсавин) очень часто обращается к творчеству Ф.М. Достоевского. Раскрывая многообразный мир идей и образов писателя, мыслители отмечают, что существенное место в нём занимают вопросы любви.

Серию статей, посвященных проблеме любви, написала в 1900–1930-е годы поэт и художественный критик З.Н. Гиппиус. Она отмечала духовно-телесность и богочеловечность любви. В статьях Гиппиус представлен интересный анализ феномена любви в творчестве разных писателей, как русских, так и зарубежных: И.А. Бунина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Г. Ибсена, Б. Пруста.

Русская философская мысль конца XIX – начала XX века обнаруживает сложный многосторонний подход к теме любви. Здесь сочетаются вопросы истории и психологии, этики и эстетики. Как справедливо отмечает В.П. Шестаков, концепция любви в эпоху Серебряного века «предполагает единство философии и искусства, и поэтому она тесно связана с миром литературных образов»¹⁵.

¹¹ Там же. С. 97.

¹² Бердяев Н. О работе и свободе человека // Эрос и личность. Философия пола и любви. С. 133.

¹³ Бердяев Н. Любовь у Достоевского // Русский эрос или Философия любви в России. С. 280.

¹⁴ Там же. С. 281.

¹⁵ Шестаков В.П. Вступительная статья. С. 7.

Русский эрос не стоит в стороне от традиций европейской и мировой культуры, он связан с ней тонкими нитями, однако в русском эросе был усилен его нравственный смысл. Любовь понималась прежде всего как путь к творчеству, к поискам духовности, к моральному и нравственному совершенствованию. Ей отводилась высокая роль в преодолении разорванности человеческой личности, в преобразении мира, в создании новой этики творчества. Особенность русского эроса при всем различии школ и направлений заключается в его просветленности и тяготении к духовности. Русский эрос склонен «огненность <...> заменить на светлость, негу – на нежность, страстность – на жалость»¹⁶.

Любовь в русской художественной мысли понимается как поиск гармонии, мыслится как расширение жизни и духа, она дает иной взгляд на бытие и представляет каждую частичку его и каждое явление как потенциально-прекрасное.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Эрос и личность. Философия пола и любви [Текст]. – М. : Прометей, 1989. – 158 с.
2. Брылина, И.В. Феномен «Русского Эроса» как объект социально-философского исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Владивосток, 1995. – 23 с.
3. Гачев, Г. Русский эрос («роман» Мысли с Жизнью) [Текст]. – М. : Эксмо : Алгоритм, 2004. – 640 с.
4. Мир и Эрос. Антология философских текстов о любви [Текст]. – М. : Политиздат, 1991. – 335 с.
5. Немеровская, О. Судьба Блока. Воспоминания [Текст] / О. Немеровская, Ц. Вольпе. – М. : Аграф, 1999. – 288 с.
6. Русский эрос, или Философия любви в России [Текст] / сост. В.П. Шестаков. – М. : Прогресс, 1991. – 448 с.
7. Шестаков, В.П. Вступительная статья [Текст] // Русский эрос, или Философия любви в России. – М. : Прогресс, 1991. – С. 5–19.
8. Эткин, А. Эрос невозможного. История психоанализа в России [Текст]. – М. : Гнозис : Прогресс-Комплекс, 1994. – 384 с.

REFERENCES

1. Berdyayev, N. *Eros i lichnost'. Filosofiya pola i lyubvi* [Eros and personality. Philosophy of sex and love] [Text]. – Moscow : Prometey, 1989. – 158 p.
2. Brylina, I.V. Fenomen «*Russkogo Erosa*» kak ob"yekt sotsial'no-filosofskogo issledovaniya [The phenomenon of «Russian Eros» as an object of socio-philosophical research] [Text] – Vladivostok, 1995. – 23 p.
3. Gachev, G. *Russkiy eros («roman» Mysli s Zhizn'yu)* [Russian Eros («novel» Thoughts with Life)] [Text]. – Moscow : Eksmo : Algorithm, 2004. – 640 p.

¹⁶ Гачев Г. Русский эрос («роман» Мысли с Жизнью). С. 40.

4. *Mir i Eros. Antologiya filosofskikh tekstov o lyubvi* [Peace and Eros. Anthology of philosophical texts about love] [Text]. – Moscow : Politizdat, 1991. – 335 p.
5. Nemerovskaya, O. Vol'pe TS, *Sud'ba Bloka. Vospominaniya* [Fate of Block. Memories] [Text]. – Moscow : Agraf, 1999. – 288 p.
6. Shestakov, V.P. *Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or philosophy of love in Russia] [Text]. – Moscow : Progress, 1991. – 448 p.
7. Shestakov, V.P. *Vstupitel'naya stat'ya* [Introductory article] [Text] // *Russkiy Eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii*. – Russian Eros, or love in Russian philosophy. – Moscow : Progress, 1991. – P. 5–19.
8. Etkind, A. *Eros nevozmozhnogo. Istoriya psikhoanaliza v Rossii* [Eros impossible. The history of psychoanalysis in Russia] [Text]. – Moscow : Gnozis : Progress-Complex, 1994. – 384 p.

I.V. Pakhomova

THE THEME OF LOVE IN THE ARTISTIC EXPERIENCE OF THE SILVER AGE

The paper deals with the theme of love as reflected in the artistic experience of the Silver Age. Russian Philosophy of the late 19th – early 20th centuries treats the theme of love in versatile ways, namely through the prism of history, psychology, ethics, aesthetics. The Silver Age treats the concept of love as a unity of philosophy and art, hence its connection with the world of literary images. Russian Eros is not isolated from the traditions of European and world culture, but has an intensified moral sense. Love is understood as a way to creativity, spirituality, moral perfection. Love is treated as a means of developing personal integrity, as a means of transforming the world and creating a new ethics of creativity. Russian Eros, in spite of its versatile character, seeks enlightenment and spirituality.

Russian Eros, Silver Age, philosophy of love.

